

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ГРУДНИКОВ

аспирант школы по социологическим наукам
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
e-mail: ngrudnikov@hse.ru

Социологическая теория интеллектуальных движений С. Фрикеля и Н. Гросса

УДК: 316.453

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-1-241-255

В настоящей статье рассматриваются основные положения теории интеллектуальных движений С. Фрикеля и Н. Гросса, а также демонстрируется связь теории с современным междисциплинарным направлением — исследованиями науки и технологий (Science and Technology Studies, STS). В социологии до недавнего времени отсутствовала теория, которая имела бы универсальные объяснительные возможности для анализа интеллектуальных движений. Теория Фрикеля и Гросса является относительно новой в социологии и представляет интерес с точки зрения концептуализации понятия «научного / интеллектуального движения», а также объяснения динамики возникновения, становления и институционализации такого типа социальных движений. Благодаря использованию теоретической рамки интеллектуального движения, предложенной Фрикелем и Гроссом, мы также продемонстрируем ее связь с парадигмой исследований науки и технологий.

Исследования науки и технологий как новое направление в междисциплинарных исследованиях взаимовлияния науки и общества прошло путь от интеллектуального движения до институционального закрепления. В связи с этим основными целями нашего исследования являются дополнительное осмысление социологической теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса с помощью близких социологических концепций, а также попытка применить теоретико-методологический подход социологической теории интеллектуальных движений к программе исследований науки и технологий в рамках анализа становления и институционального развития исследований науки и технологий.

Ключевые слова: социальные движения; интеллектуальные движения; научные движения; социология науки; исследования науки и технологий; современные социологические теории.

В 2005 г. Скотт Фрикель, доцент департамента социологии в Тулейнском университете Луизианы, и Нил Гросс, доцент департамента социологии в Гарвардском университете, опубликовали статью «Общая теория научных / интеллектуальных

движений», посвященную социологической теории научных и интеллектуальных движений, в журнале “American Sociological Review”. Авторы определили интеллектуальное движение как коллективные практики, которые не разделяются существующим научным, интеллектуальным или институциональным сообществом и не поддерживаются им [Frickel, Gross, 2005, p. 206].

В своей теории С. Фрикель и Н. Гросс говорят как о социальных движениях в науке, так и о более широких интеллектуальных движениях, используя сдвоенное наименование «научное / интеллектуальное движение», но для краткости мы в дальнейшем будем использовать более широкий термин — «интеллектуальное движение». Фрикель и Гросс утверждают, что современные интеллектуальная и научная сферы динамично развиваются, но в то же время в социологии отсутствует единая или общая социологическая теория, которая описывала бы развитие дисциплин, систем взглядов и теорий, меняющихся существующий интеллектуальный ландшафт [Ibid., p. 204]. Фрикель и Гросс задались целью предложить такую общую социологическую теорию на основе социологии идей и науки, а также основных социологических подходов к социальным движениям. Эти области социологии авторам представляются в качестве релевантных источников для формирования собственной социологической теории интеллектуальных движений.

Свою теорию авторы называют индуктивной и синтетической. Индуктивной она является в силу того, что основывается на множестве эмпирических кейсов, а синтетической — поскольку Фрикель и Гросс стремятся объединить разнообразные социологические теории, посвященные разным научным и интеллектуальным областям, в общую зонтичную концепцию интеллектуальных движений [Ibid., p. 205]. Таким образом, новизна социологической теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса заключается в том, что авторы предприняли попытку интеграции анализа ряда эмпирических кейсов интеллектуальных движений (абсолютно разных по целям, размерам, идеям, сферам, а также как успешных, так и несостоявшихся) с теориями из социологии науки, идей и социальных движений. Авторы пришли к выводу, что интеллектуальные движения, даже развивающиеся в разных областях, во многом схожи и на основе этого можно выделить закономерности в их возникновении, институционализации или потере актуальности. Авторы неоднократно подчеркивают, что интеллектуальные движения также являются социальными движениями, то есть объединениями с организованными практиками, которые направлены на изменения в обществе.

Хотя Фрикель и Гросс смогли предложить свою теорию и продемонстрировать ее эвристический потенциал, заметной популярности достигнуть ей пока не удалось, особенно в отечественной социологии. В данной статье нами предпринимается попытка приложить рассматриваемую теорию к парадигме исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS).

Интеллектуальные движения как объекты изучения

Идеи, близкие к концепции интеллектуальных движений, широко представлены в социологии. М. Малкей сформулировал понятие интеллектуального движения как всякого исследовательского сообщества, действующего без ориентации на нормы универсального научного этоса [Mulkey, 1991, p. 51]. С. Амплеби предположил,

что интеллектуальное движение можно определить как «группу людей, которая прилагает усилия для трансформации общества, продвигая набор идей» [Umpleby, 2002].

Согласно социологической теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса, такие движения объединяют ученых или интеллектуалов, не удовлетворенных господствующей интеллектуальной парадигмой. Исходя из этого авторы определили интеллектуальное движение как «коллективные практики, которые не разделяются существующим научным, интеллектуальным или институциональным сообществом и не поддерживаются ими» [Frickel, Gross, 2005, p. 206]. Иными словами, Фрикель и Гросс предприняли попытку сформулировать понятие интеллектуального движения, которое смогло бы выступать в качестве универсальной теоретической рамки для этого явления и позволяло бы вывести важнейшую черту для всякого интеллектуального движения — противоречие с доминирующей интеллектуальной парадигмой.

Хотя изначально общую идею интеллектуального движения сформулировал Малкей, разработанное им определение подчеркивало институциональное противоречие научному этосу, в то время как Фрикель и Гросс в своем определении обращают больше внимания на характер воззрений и практик, разделяемых представителями интеллектуального движения. Как мы видим, общими чертами, которыми обладают интеллектуальные движения, являются определенное сообщество и его деятельность (практики), направленная на изменение существующего интеллектуального или научного ландшафта.

В статье «Общая теория научных / интеллектуальных движений» Фрикель и Гросс предположили, что интеллектуальное движение имеет характерные признаки, позволяющие отнести те или иные явления в науке и интеллектуальной жизни к разряду таковых [Ibid., p. 206–208]. Таких признаков они выделяют шесть, и ниже мы приводим их краткое и дополненное близкими идеями систематическое изложение.

Первым признаком создатели теории называют то, что всякое интеллектуальное движение представляет собой разновидность социального движения, направленное на интеллектуальные изменения в науке или в более широком интеллектуальном дискурсе, а также предлагающего программу интеллектуальных изменений [Ibid., p. 206].

Фрикель и Гросс предполагают, что главное отличие интеллектуальных движений от социальных заключается в целях. Авторы пишут, что «для интеллектуальных движений производство и взаимопроникновение идей и знаний является основной целью» [Ibid., p. 206]. Программа интеллектуальных движений может быть сформулирована с разной степенью определенности, однако она становится предметом обсуждений и полемики внутри движения, что приводит к формированию новых идей и знаний, впоследствии становящихся интеллектуальным ядром движения. Вовсе не обязательно, чтобы все члены движения придерживались одинакового мнения по всем вопросам, однако предполагается, что они ориентируются на общее интеллектуальное ядро.

Вместе с тем разграничение социальных и интеллектуальных движений посредством целей, на наш взгляд, достаточно проблематично. Утверждение о том, что главная особенность интеллектуальных движений заключается в направленности их деятельности на преобразование интеллектуального ландшафта, впоследствии

опровергается примерами интеллектуальных движений, приводимых авторами. В частности, социализм XIX в. или феминизм второй волны демонстрируют, что интеллектуальные движения могут иметь абсолютно разные цели, в том числе политические, связанные с воздействием на государство [*Ibid.*, p. 206].

Вторым признаком интеллектуального движения Фрикель и Гросс определяют интеллектуальные практики, которые не разделяются действующей интеллектуальной и научной парадигмой [*Ibid.*, p. 207]. Эти практики со временем могут все-таки закрепиться в качестве новых парадигм, но определяющим для интеллектуальных движений будет именно противостояние устоявшимся практикам в момент их возникновения. Таким образом, теория интеллектуальных движений уделяет значительное внимание тому, что акторами научных революций зачастую становятся исследователи ранее малоизученных областей или ученые без высокого статуса в науке с отличающимся от интеллектуального мейнстрима взглядами.

И. Коскинен и К. Ролин также указывали, что интеллектуальные движения заслуживают внимания, поскольку могут предоставить науке новые возможности: устанавливать новую научную повестку и привлекать внимание к игнорируемым в конкретный момент времени темам в науке [*Koskinen, Rolin, 2019, p. 1053*].

Третьим признаком Фрикель и Гросс называют политический характер интеллектуальных движений. Это предположение не основано на том, что интеллектуальные движения продвигают ярко выраженные политические цели, хотя некоторые движения могут иметь и их. Политический характер интеллектуальные движения имеют в силу того, что предполагают перераспределение ограниченных ресурсов, например, власти и внимания. Эти ресурсы распределены неравномерно, а интеллектуальные движения борются за достижение высоких позиций в интеллектуальной и научной сферах, что говорит об их направленности на социальные изменения устоявшихся положений.

Поскольку интеллектуальные движения авторами признаются в качестве одного из видов социальных движений, то представляется возможным привести теоретическую позицию Э. Гидденса относительно политического характера социальных движений. Гидденс относит общественные движения к нетрадиционным способам политического участия людей в социальной жизни [*Гидденс, 2005, с. 387*].

Четвертым признаком создатели социологической теории интеллектуальных движений называют необходимость организованных коллективных действий. Идеи лидеров движений обретают определенную форму, а действия в рамках движений становятся скоординированными [*Frickel, Gross, 2005, p. 207*].

Пятым признаком является ограниченность движения во времени. Возникнув, движения могут либо стать доминирующими парадигмами, либо прекратить свое существование в отсутствие необходимой институциональной поддержки [*Ibid.*, p. 208]. В своей теории авторы обращают особое внимание на динамику интеллектуальных движений. В сущности, социологическая теория интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса уникальна тем, что описывает несколько предпосылок, благодаря которым интеллектуальные движения могут добиться успеха и институционализации.

Шестым признаком интеллектуального движения является то, что сферой его деятельности часто становятся вопросы, которые недостаточно изучены или требуют новых подходов к их теоретической интерпретации в рамках действующей парадигмы [*Ibid.*, p. 208]. Сферы, в которых действуют интеллектуальные движения, могут

быть самыми различными: от движения за формирование социологии как науки до, например, процессов становления концепции устойчивого развития в современном мире. Также они могут быть одной из возможностей для привлечения внимания к темам, которые раньше игнорировались наукой или интеллектуальной средой. Так, исследования Холокоста в Европе, США и Израиле в 60-х гг. XX в. стали возможны, по мнению создателей теории, благодаря усилиям интеллектуальных движений [*Ibid.*, p. 208].

Существуют и более современные примеры усилий интеллектуальных движений по исследованию тем, малоизученных в рамках действующих парадигм в науке. Так, И. Коскинен и К. Ролин предположили возможность использования социологической теории интеллектуальных движений для противодействия эпистемической несправедливости (невозможности для маргинализированных групп или определенных людей участвовать в производстве знаний). В статье «Научные / интеллектуальные движения, исправляющие эпистемическую несправедливость: пример исследований коренных народов» авторы попытались продемонстрировать возможность использования теории Фрикеля и Гросса для анализа научных / интеллектуальных движений, которые стремятся к изменению господствующей идеологической парадигмы в науке и существующем интеллектуальном ландшафте в целом [*Koskinen, Rolin, 2019*].

В целом Коскинен и Ролин очень высоко оценили возможности движений для преобразования науки и интеллектуальных практик. По их мнению, именно интеллектуальные движения могут изменить к лучшему существующие практики научных сообществ, а также оказаться связующими между наукой и социальными движениями, которые действуют в разных сферах. Интеллектуальные движения могут быть направлены на выявление и преодоление предполагаемой предвзятости и дискриминации в научных теориях, что позволит сделать их более «эмпирически адекватными» [*Ibid.*].

В отечественной социологии интеллектуальные движения также уже становились объектом изучения: в 2006 г. вышла реферативная статья Т.В. Виноградовой с изложением основных положений теории, в 2009 г. К.С. Фурсов опубликовал статью «Интеллектуальные движения как объект социологического анализа», а в 2011 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Теория интеллектуальных движений: истоки, объяснительные возможности и перспективы применения», в которой объектом изучения выступил Московский методологический кружок (ММК) Г.П. Щедровицкого (философско-методологическое движение, возникшее в 1957 г. и ставшее известным благодаря проведению организационно-деятельностных игр и системно-исследовательской методологии) [*Фурсов, 2009*]. Теория интеллектуальных движений подошла для изучения и описания деятельности этого кружка. К.С. Фурсов указывает: «...с момента появления [деятельность ММК] содержала в себе парадокс: не являясь научным направлением, она предполагала институционализацию в рамках научного сообщества» [*Там же, с. 94*]. Теория интеллектуальных движений также была применена нами для исследования возникновения и институционализации движения за восстановительное правосудие в России [*Грудников, 2025*].

Перечисленные выше признаки интеллектуальных движений являются важными концептуальными инструментами, позволяющими анализировать социальные движения именно в качестве интеллектуальных. Универсальность этих признаков

дает возможность применять их ко всем интеллектуальным движениям, однако обнаружить их в совокупности представляется достаточно проблематичным. Интеллектуальные движения в сфере науки действительно могут обладать всеми признаками одновременно, однако движения в иных сферах нередко оказываются менее формализованными, что препятствует наличию у них признака организованных коллективных действий, поскольку интеллектуальные движения способны осуществлять свою деятельность децентрализованно.

Динамика интеллектуальных движений

Фрикель и Гросс выдвинули четыре положения относительно динамики возникновения и развития интеллектуальных движений. Авторы делают важную оговорку о том, что для разных интеллектуальных движений эти положения могут варьироваться в зависимости от разных контекстов [Frickel, Gross, 2005, p. 209].

Во-первых, вероятность появления интеллектуальных движений Фрикель и Гросс напрямую связывают с недовольством ученых и интеллектуалов с доминирующими интеллектуальными тенденциями. Именно недовольство доминирующей парадигмой становится отправной точкой в возникновении интеллектуальных движений. Лучшим вариантом для формирования движения является объединение ученых или интеллектуалов, обладающих высокими позициями в соответствующих сферах, с молодыми учеными, также неудовлетворенными существующей ситуацией. Первые имеют больше возможностей для новаторства в своей области и меньше ограничений: «*Quod licet Iovi, non licet bovi*». Молодые же участники движений могут быть рекрутированы и поддержаны своими наставниками с высоким социальным статусом, что даст им преимущества и больше возможностей при самостоятельных действиях в рамках интеллектуального движения.

Фрикель и Гросс также отмечают, что недовольство доминирующей научной или интеллектуальной парадигмой является распространенным явлением. Именно недовольство высокостатусных представителей научной и интеллектуальной сфер делает возникновение интеллектуального движения наиболее вероятным, так как движение зависит от «интеллектуальных лидеров», формирующих его программу, а также осуществляющих научную и интеллектуальную деятельность [Ibid., p. 212]. В качестве подтверждения авторы приводят возникновение нового направления в социологии — этнометодологии, развившейся из недовольства Г. Гарфинкеля социологической теорией его наставника Т. Парсонса.

Во-вторых, успешность интеллектуальных движений связана с доступом к ключевым ресурсам. Будучи одной из разновидностей социальных движений, интеллектуальные движения после своего возникновения нуждаются в организации и координации, что, в свою очередь, требует использования определенных ресурсов. Фрикель и Гросс подчеркивают, что особую ценность для интеллектуальных движений играют следующие ключевые ресурсы: деньги, возможности для публикаций, возможность трудоустройства членов движения, а также интеллектуальный престиж. Деньги являются «критическим компонентом для производства знаний», а развитие научных и исследовательских возможностей невозможно без опубликования результатов в печатных изданиях [Ibid., p. 214]. Для успешного функционирования движениям необходимо позаботиться о трудоустройстве своих участников

в академическую сферу, чтобы обеспечить себе продуктивность, а впоследствии и высокие академические позиции. Только при наличии возможности трудоустройства в академическую сферу интеллектуальные движения могут добиться высокой продуктивности.

В-третьих, интеллектуальные движения для успешного развития и функционирования должны иметь доступ к мобилизационным ресурсам для привлечения новых членов движения [*Ibid.*, p. 219]. Таким ресурсами могут выступать конференции, лаборатории, кафедры университетов. В рамках этих площадок происходит рекрутинг новых членов, которых можно заинтересовать и дальше поддерживать с ними контакт. Одним из предположений авторов является то, что интеллектуальные движения, которые смогут разместить своих членов в ведущих аспирантских программах, смогут привлечь больше талантливых студентов в свои ряды, а они в свою очередь будут заниматься уже рекрутингом других талантливых молодых людей.

В-четвертых, для того, чтобы добиться успеха, интеллектуальные движения должны выстроить свои идеи таким образом, чтобы будущие потенциальные члены были заинтересованы в них [*Ibid.*, p. 221]. Фрикель и Гросс также подчеркивают особую важность построения исторических нарративов об интеллектуальных движениях. Например, возможность идентификации основателей движения, причин и условий возникновения может помочь движению в его легитимации. Это позволяет вызывать у участников движения чувство, которое даст им возможность «видеть себя вовлеченными в какой-то грандиозный поток интеллектуальной истории» [*Ibid.*, p. 223]. Интеллектуальные движения могут обеспечить свою успешность, если им удастся позиционировать себя в качестве преемников и продолжателей «славных дел» (наборов ценностей и убеждений), которые разделяются и пользуются популярностью в научных и интеллектуальных кругах [*Ibid.*, p. 223].

Ограниченность интеллектуальных движений во времени привносит в теорию интеллектуальных движений историзм, в целом характерный для социологического анализа социальных движений и позволяющий последовательно анализировать динамику изменений акторов, институциональной инфраструктуры и интеллектуального ядра движения. Представляется возможным дополнить социологическую теорию интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса объяснительными ресурсами теории социальных движений. Так, например, Г. Блумер указывал, что социальное движение проходит несколько стадий, начиная с примитивного и спонтанного взаимодействия и заканчивая формированием организационной структуры, обычаев, социальных норм и ценностей [Блумер, 1994, с. 198]. К. Доусон и У. Геттис выделяли четыре этапа в развитии социальных движений: социальное беспокойство, всеобщее возбуждение, формализация и институционализация [Там же, с. 197]. На первом этапе люди подвержены чувству беспокойства и действуют хаотично, однако это позволяет нащупать объект, который вызывает неудовлетворенность в текущем социальном порядке. На следующей стадии уже возможно более точное определение причин недовольства и формирование целей для достижения лучшего социального устройства. На стадии формализации вырабатываются правила, тактика и внутренняя дисциплина группы, а также формирование организации. На последней же стадии движение кристаллизуется путем формирования постоянного состава, структуры для достижения намеченной цели. Аналогичные этапы выделялись Д. Гудвином и Д. Джаспером [Goodwin, Jasper, 2014]. Н. Смелзер указывал, что

добровольные ассоциации могут со временем институционализироваться и превратиться в бюрократию. Также Смелзер связывал возникновение социальных движений с определенными факторами (например, наличием социального напряжения) и применял к анализу их возникновения модель добавленной ценности, в которой каждый новый этап является детерминантой для формирования и развития движения [Смелзер, 1994, с. 172].

Выдвинутые авторами предположения относительно динамики интеллектуальных движений носят различный характер и зависят, с одной стороны, от самого движения и деятельности его членов (например, недовольство доминирующей парадигмой или осуществление своей деятельности в тех формах, что являются принятыми и обеспечивающими привлечение новых членов), а с другой — от объективных факторов (доступ к ограниченным и мобилизационным ресурсам). Условно можно было бы разделить их на внутренние и внешние факторы. Последние могут быть экономического (доступ к финансированию), политического (доступ к конференциям и университетам) и социального характера. Таким образом, теория Фрикеля и Гросса, связывая динамику интеллектуальных движений с этими факторами, демонстрирует их важность для анализа интеллектуальных движений и, в свою очередь, позволяет нам отнести эту теорию к более широкому междисциплинарному подходу исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS). Идею о связи между теорией интеллектуальных движений и парадигмой исследований науки и технологий в своих работах высказывал К.С. Фурсов. Он отметил, что концептуальной основой теории интеллектуальных движений является социология знания и науки, частью которой с 1970-х гг. и являются исследования науки и технологий [Фурсов, 2011, с. 46]. В следующем разделе мы продемонстрируем связь теории интеллектуальных движений с исследованиями науки и технологий, а также некоторые возможности, которые теория интеллектуальных движений может предоставить исследованиям науки и технологий для их развития.

Теория интеллектуальных движений и парадигма исследований науки и технологий (STS)

Фрикель и Гросс указывают на универсальность теоретического конструкта интеллектуального движения, который может использоваться в разных исследовательских областях. Интеллектуальные движения могут действовать в абсолютно разных сферах, и авторы приводят эмпирические примеры таких движений (движение «Право и Общество», которое делало акцент на изучении влияния правового регулирования на общественные отношения в 1960-х гг., или движение в Германии XIX в. по институционализации морфологии как биологического учения о формах) [Frickel, Gross, 2005, p. 207]. Универсальность и адаптивность социологической теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса к конкретным историческим условиям расширяют возможности исследований науки и технологий в понимании динамики и механизмов распространения идей и технологий.

Широкое направление исследований науки и технологий представляет собой относительно новую междисциплинарную парадигму в изучении взаимовлияния науки и общества. Поскольку многие новые парадигмы в науке формируются ин-

теллектуальными движениями, критически настроенными по отношению к доминирующим установкам в научной и интеллектуальной сферах, представляется возможным дополнить исследования науки и технологий теоретическими возможностями теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса. Парадигма исследований науки и технологий также, в свою очередь, может восприниматься как интеллектуальное движение, чьи практики не разделяются или до какого-то времени не разделялись доминирующей парадигмой в социологии науки, а также нацеленное на изменения в научной и интеллектуальной сфере, что мы и продемонстрируем далее.

Широкое направление исследований науки и технологий возникло в 1960-е гг. и на современном этапе получило институциональное признание. Изначально исследования науки и технологий развились как новая парадигма в науке в ответ на ее недостаточную ориентированность на решение насущных общественных проблем. Особый акцент это направление делало на исследовании влияния науки и технологий на государство, общество и энвайронментализм [Pickersgill, Jasanoff, 2018, p. 321]. Х. Коллинс и Р. Эванс выделяют несколько периодов в исследовании науки. Так, в 1950–1960-х гг. доминировал «позитивизм», и исследователи пытались «объяснить и укрепить науку, а не ставить под сомнение ее основу» [Collins, Evans, 2002, p. 239]. Ученые обладали монопольной властью на решение проблем, связанных с наукой и технологиями, из-за того, что наука считалась «как эзотерической, так и авторитетной» [Ibid.]. Однако после публикации Т. Куном «Структуры научных революций» к концу 1970-х гг. это направление прекратило свое существование. С 1970-х гг. формируется и добивается успеха программа, утверждавшая взаимовлияние науки и общества [Ibid.].

О.В. Бычкова отмечает, что многие представители естественных и инженерных наук склонны к представлению о том, что наука и знания зависят только от объективной реальности, а в самой науке «нет культуры, политики или контекста». С этой точкой зрения не согласны те представители исследований науки и технологий, которые считают, что «наука и технологии — это нагруженные ценностями образования и социополитические конструкции, в которых содержатся ценности и практики того контекста, где живут ученые и инженеры» [Бычкова, 2020, с. 18].

Консенсус в том, что наука и технологии приносят неоспоримую пользу, установился после Второй мировой войны и был также частью периода социокультурного стабильности 1950-х гг. С. Катклифф указывал, что исследования науки и технологий возникли на фоне общесоциального контекста США 1960-х гг.: борьба за гражданские права, война во Вьетнаме, обеспокоенность состоянием окружающей среды и развитием ядерной энергетики [Cutcliffe, 2002, p. 281–282]. Исследования науки и технологий возникли как ответ на общественно-политические проблемы, сформулированные антивоенным движением 1960-х гг. [Pickersgill, Jasanoff, 2018, p. 321]. Специфика американского движения заключалась в ориентации на вопросы, связанные с энвайронментализмом, гендерными и юридическими исследованиями науки [Ibid.].

Американские интеллектуалы затронули тему, что наука и технологии не только приносят пользу, но и могут быть причиной негативных эффектов (например, книга биолога Р. Карсон «Безмолвная весна» о вреде применения пестицидов, в частности ДДТ, в сельском хозяйстве и угрозе будущему всего человечества из-за отравления почвы, воды и гибели насекомых и животных) [Карсон, 1965].

Исследования науки и технологий не являются только областью академических исследований, а подразумевают применение также знаний и опыта представителей разных интеллектуальных сфер (врачей, управленцев, ученых), а также гражданского общества. Благодаря использованию их знаний исследователи науки и технологий стремятся добиться понимания «истоков, динамики и последствий науки и технологий» [Hackett et al., 2007, p. 1]. О.Е. Столярова отмечала, что к 1980–1990 гг. у исследований науки и технологий сформировалась репутация «релятивистского, социалконструктивистского, постмодернистского, эмпирического направления исследований, приверженцы которого редуцируют научную рациональность и ее онтологическую основу до спектра контингентных социальных интересов и взаимодействий» [Столярова, 2018, с. 36]. Таким образом, движение исследований науки и технологий является интеллектуальным движением, а не только узконаправленным научным движением, так как на его формирование оказывают влияние представители не только академической сферы, но и других интеллектуальных сфер.

Первоначальный фокус движения исследований науки и технологий был сосредоточен на проблемах энвайронментализма, гендера и др., то есть был направлен на исследование вопросов, которые не были достаточно изучены в рамках доминирующей парадигмы. Современные исследования науки и технологий стали отказываться от дихотомического образа (белой и черной) науки и стали рассматривать ее как сложную часть общего социокультурного контекста [Cutcliffe, 2002, p. 288].

Катклифф утверждает, что главной задачей исследований науки и технологий является понимание того, что взаимодействие между наукой, технологиями и общественными ценностями (политическими, экономическими, культурными) носит характер обратной связи: общество формирует науку и технологии, а они трансформируют социальные институты. Для глубокого анализа этой связи требуется междисциплинарный подход, объединяющий знание институтов, политики, ценностей и идей [Cutcliffe, 1990, p. 361–362].

На современном этапе исследования науки и технологий добились институционального признания со стороны научного сообщества. Ш. Джасанофф (Директор программы по науке, технологиям и обществу (Program on Science, Technology and Society) в Школе государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета) отмечала, что началом процесса институционализации можно считать 1976 г., когда была учреждена некоммерческая организация «Общество социальных исследований науки» (The Society for Social Studies of Science, 4S), которая объединяет междисциплинарные исследования науки и технологий и содействует им [Pickersgill, Jasanoff, 2018, p. 324–325]. Организация действует до сих пор, проводит ежегодные встречи, а также издает несколько научных журналов по тематике социальных исследований науки, технологий и медицины.

Р. Ягер указывает, что создание образовательной дисциплины исследований науки и технологий стало своего рода реформой образовательных дисциплин, которые нацелены на изучение науки [Yager, 1993, p. 145]. На 2019 г. в мире действовало свыше 120 междисциплинарных программ в системе высшего образования, которые позволяют движению закреплять свои идеи в установленной наукой форме, а также осуществлять рекрутинг и транслирование своей парадигмы в науке [Бычкова, 2020, с. 9].

Исследования науки и технологий декларируют не только приверженность академичности и действиям в рамках закрепившихся в науке форм, но и стремление к

реализации ценностей свободы и справедливости. Парадигма исследований науки и технологий носит академический характер за счет стремления к «академической респектабельности и институционализации (профессорские должности, кафедры, степени и исследовательские гранты)» [Hackett et al., 2007, p. 1].

Также можно отметить публикационную тематическую близость концепции Фрикеля и Гросса к парадигме исследований науки и технологий. Многие их работы посвящены проблемам формирования науки под воздействием политических и иных факторов, а также влиянию науки на общество и процессы в нем. Так, Фрикель является автором публикаций «Новая политическая социология науки: институты, сети и власть» (автор исследует научные революции в современной науке, а также их воздействие на современное общество) [The New Political Sociology of Science, 2006], «Незаконченная наука: картирование проблем общественного движения и гражданского общества при определении повестки дня исследований» (в ней исследуется такое явление как «незаконченная наука», когда важные с точки зрения общества научные исследования не находят финансирования и институционализации) [Frickel et al., 2009], также ряда статей, которые были посвящены популярной для исследований науки и технологий теме энвайронментализма и ответственности ученых за решение проблем в этой сфере, — «Только наука? Организация научного активизма в движении за энвайронментализм в США» [Frickel, 2004].

Гросс в своих публикациях часто поднимает темы факторов, влияющих на взгляды ученых и круг их научных интересов (в основном это именно политические факторы): «Социальные и политические взгляды американских профессоров» [Gross, Simmons, 2007], «Религиозность американских профессоров колледжей и университетов» [Gross, Simmons, 2009], «Почему профессора либеральны и почему консерваторам не все равно?» [Gross, 2013], «Профессора и их политика» [Gross, Simmons, 2014]. Публикации Гросса носят характер аналитического обзора расстановки политических сил и доступа к ресурсам в американской академической среде. Таким образом, можно отметить содержательную близость теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса с парадигмой исследований науки и технологий.

На современном этапе на Западе исследования науки и технологий приобрели институциональное закрепление в академической сфере, а также интеллектуальное влияние в академической среде. И.Т. Касавин утверждал, что исследования науки и технологий на Западе получили институционализацию за счет наличия образовательных программ в университетах, а также большого количества научных журналов, посвященных этой теме [Касавин, 2014, с. 9–10]. Таким образом, парадигма исследований науки и технологий закрепилась в организованных коллективных действиях и в институционально установленных в науке формах.

На современном этапе исследования науки и технологий в России также смогли институционализироваться. Однако, по мнению Касавина, к парадигме исследований науки и технологий в России применимо выражение: новое — это хорошо забытое старое [Там же, с. 8]. Р.-Л. Винклер писала о том, что истоками науковедения в России можно считать популярную академическую тенденцию в 1920-х гг. к «своеобразной социологизации большинства общественных дисциплин» [Келле, Винклер, 1996, с. 283].

Существует и противоположная точка зрения на институционализацию отечественного науковедения. А.П. Огурцов утверждал, что науковедение не смогло получить институционализацию в советское время, а после падения советского строя

оно находится в кризисе [Огурцов, 2009, с. 579]. Касавин указывал, что, «опередив свое время и пережив все трудности непризнания, науковедение сегодня возвращается к нам на манер дежавю, в образе англо-американских STS» [Касавин, 2014, с. 9].

Таким образом, мы можем сформулировать вывод о том, что парадигма исследований науки и технологий сама является интеллектуальным движением, которое возникло в ответ на недовольство доминирующей интеллектуальной парадигмой, утверждавшей безукоризненную пользу науки и технологий для общества, а также их автономность от социальных факторов. Со временем это интеллектуальное движение получило институциональное признание и стало заметной частью современных исследований.

Заключение

Социологическая теория интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса является относительно новым теоретическим ресурсом в социологии. Вместе с тем она обладает значительным потенциалом для развития и применения в анализе интеллектуальных движений. Важность социологической теории интеллектуальных движений Фрикеля и Гросса заключается в возможности создания интегрированной аналитической рамки, позволяющей объединить исследования, ведущиеся в разных областях, и с помощью единой теоретической перспективы выявить закономерности возникновения и развития интеллектуальных движений. Также особая заслуга Фрикеля и Гросса состоит в том, что они смогли выявить взаимосвязи между социальными фактами и возникновением интеллектуальных движений, логику их внутреннего развития и постепенной институционализации.

В рамках данной статьи мы предприняли попытку установить, что парадигма исследований науки и технологий на Западе обладает признаками интеллектуальных движений, обозначенных в теории Фрикеля и Гросса. Мы также смогли показать, что теория интеллектуальных движений не только содержательно близка к парадигме исследований науки и технологий, но и применима к анализу социальных исследований науки и технологий как интеллектуального движения.

Литература

Блумер Г. Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 485 с.

Бычкова О.В. Исследование науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 7–32. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13001.

Грудников Н.С. Возможности применения социологической теории интеллектуальных движений к исследованию институционализации российского движения за восстановление правосудия // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 165–178. DOI: 10.17223/1998863X/88/15.

Гидденс Э. Социология. 2-е изд., полн. перераб. и доп. М: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.

Касавин И.Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1 (39). С. 5–17.

Карсон Р. Безмолвная весна. М.: Прогресс, 1965. 216 с.

Келле В.Ж., Винклер П.-Л. Социология науки // Социология в России. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1996. С. 369–400.

Огурцов А.П. Науковедение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон-плюс, 2009. С. 577–579.

Смелзер Н. Социология. М.: Просвещение, 1994. 688 с.

Столярова О.Е. Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // Логос. Философско-литературный журнал. 2018. № 5 (126). С. 31–52.

Фурсов К.С. Интеллектуальные движения как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 90–100.

Фурсов К.С. Теория интеллектуальных движений: истоки, объяснительные возможности и перспективы применения: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. М., 2011. 157 с.

Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. No. 2. P. 235–296.

Cutcliffe S.H. The STS Curriculum: What Have We Learned in Twenty Years? // Science, Technology, & Human Values. 1990. Vol. 15. No. 3. P. 360–372.

Cutcliffe S.H. The Historical Emergence of STS as an Academic Field in the United States // Argumentos de Razón Técnica. 2002. No. 5. P. 281–292.

Frickel S. Just Science? Organizing Scientist Activism in the US Environmental Justice Movement // Science as Culture. 2004. Vol. 13. No. 4. P. 449–469.

Frickel S., Gibbon S., Howard J., Kempner J., Ottinger G., Hess D.J. Undone Science: Charting Social Movement and Civil Society Challenges to Research Agenda Setting // Science, Technology, & Human Values. 2009. Vol. 35. No. 4. P. 444–473.

Frickel S., Gross N. A General Theory of Scientific / Intellectual Movements // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. No. 2. P. 204–232.

Gross N. Why Are Professors Liberal and Why Do Conservatives Care? Harvard University Press, 2013. 400 p.

Gross N., Simmons S. The Social and Political Views of American Professors // Working Paper Presented at a Harvard University Symposium on Professors and Their Politics. 2007. Available at: <https://scholar.google.com/citations?user=k1x52yYAAAAJ&hl=ru> (date accessed: 13.02.2026).

Gross N., Simmons S. The Religiosity of American College and University Professors // Sociology of Religion. 2009. Vol. 70. No. 2. P. 101–129.

The Handbook of Science and Technology Studies / Eds. E.J. Hackett et al. Cambridge: MIT Press, 2007. 1082 p.

Koskinen I., Rolin K. Scientific / Intellectual Movements Remediating Epistemic Injustice: The Case of Indigenous Studies // Philosophy of Science. 2019. Vol. 86. No. 5. P. 1052–1063.

Mulkay M. Sociology of Science: A Sociological Pilgrimage. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 256 p.

The New Political Sociology of Science: Institutions, Networks, and Power / Eds. S. Frickel, K. Moore. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. 488 p.

Pickersgill M., Jasanoff S. ST (&) S: Martyn Pickersgill Talks with Sheila Jasanoff // Engaging Science, Technology, and Society. 2018. Vol. 4. P. 320–334. DOI: 10.17351/ests2018.226.

Professors and Their Politics / Eds. N. Gross, S. Simmons. Baltimore: JHU Press, 2014. 376 p.

The Social Movements Reader: Cases and Concepts / Eds. J. Goodwin, J.M. Jasper. Chichester: John Wiley & Sons, 2014. 448 p.

Umpleby S. (2002). The Design of Intellectual Movements. Proceedings of the Annual Meeting of the International Society for the Systems Sciences. Shanghai, China. Available at: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/d/257/files/2016/11/THE-DESIGN-OF-INTELLECTUAL-MOVEMENTS-12ihgf9.pdf> (date accessed: 20.12.2025).

Yager R.E. Science — Technology — Society as Reform // School Science and Mathematics. 1993. Vol. 93. No. 3. P. 145–151.

Sociological Theory of Intellectual Movements: S. Frickel and N. Gross

NIKITA S. GRUDNIKOV

The National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia;
e-mail: ngrudnikov@hse.ru

This article examines the key tenets of the theory of scientific/intellectual movements (SIMs) developed by Scott Frickel and Neil Gross, while demonstrating its connection to the recent interdisciplinary field of Science and Technology Studies (STS). Until recently, sociology lacked a theory with a universal explanatory power for analyzing intellectual movements. The Frickel — Gross framework is a relatively new development in sociology; it offers significant conceptual value in defining “scientific / intellectual movements” and explaining the dynamics behind their emergence, formation, and institutionalization. By utilizing the theoretical framework proposed by Frickel and Gross, this study further elucidates its link to the STS paradigm.

As a new interdisciplinary field exploring the mutual influence of science and society, STS has evolved from an intellectual movement to an established institutional entity. Consequently, the primary objectives of this research are twofold: to provide a deeper reflection on Frickel and Gross’s sociological theory of intellectual movements through related sociological concepts, and to apply this theoretical and methodological approach to the STS program to analyze its formative stages and institutional development.

Keywords: social movements; intellectual movements; scientific movements; sociology of science; Science and Technology Studies; contemporary sociological theories.

References

- Blumer, G. (1994). *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological thought: texts], ed. V.I. Dobren'kov, Moskva: Izd-vo MGU (in Russian).
- Bychkova, O.V. (2020). Issledovaniye nauki i tekhnologiy (STS): chemu nauchili nas za 50 let? [Science and Technology Studies (STS): What have we learned in 50 years?], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 11 (3), 7–32 (in Russian). DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13001.
- Carson, R. (1965). *Bezmolvnaya vesna* [Silent spring], Moskva: Progress (in Russian).
- Collins, H.M., Evans, R. (2002). The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience, *Social Studies of Science*, 32 (2), 235–296.
- Cutcliffe, S.H. (1990). The STS Curriculum: What Have We Learned in Twenty Years? *Science, Technology, & Human Values*, 15 (3), 360–372.
- Cutcliffe, S.H. (2002). The Historical Emergence of STS as an Academic Field in the United States, *Argumentos de Razón Técnica*, no. 5, 281–292.
- Frickel, S. (2004). Just Science? Organizing Scientist Activism in the US Environmental Justice Movement, *Science as Culture*, 13 (4), 449–469.
- Frickel, S., Gross, N. (2005). A General Theory of Scientific / Intellectual Movements, *American Sociological Review*, 70 (2), 204–232.
- Frickel, S., Moore, K. (Eds.) (2006). *The New Political Sociology of Science: Institutions, Networks, and Power*, University of Wisconsin Press.

Frickel, S., Gibbon, S., Howard, J., Kempner, J., Ottinger, G., Hess, D.J. (2009). Undone Science: Charting Social Movement and Civil Society Challenges to Research Agenda Setting, *Science, Technology, & Human Values*, 35 (4), 444–473.

Fursov, K.S. (2009). Intellektual'nyye dvizheniya kak ob'yekt sotsiologicheskogo analiza [Intellectual movements as an object of sociological analysis], *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, no. 10, 90–100 (in Russian).

Fursov, K.S. (2011). *Teoriya intellektual'nykh dvizheniy: istoki, ob'yasnitel'nyye vozmozhnosti i perspektivy primeneniya* [Theory of intellectual movements: origins, explanatory possibilities and prospects of application], PhD dissertation, National Research University Higher School of Economics, Moskva (in Russian).

Giddens, A. (2005). *Sotsiologiya* [Sociology], 2nd ed., Moskva: URSS (in Russian).

Goodwin, J., Jasper, J.M. (Eds.) (2014). *The Social Movements Reader: Cases and Concepts*, Chichester: John Wiley & Sons.

Gross, N. (2013). *Why Are Professors Liberal and Why Do Conservatives Care?*, Harvard University Press.

Gross, N., Simmons, S. (2007). *The Social and Political Views of American Professors*, in Working Paper Presented at Harvard University Symposium on Professors and Their Politics. Available at: <https://scholar.google.com/citations?user=k1x52yYAAAAAJ&hl=ru> (date accessed: 13.02.2026).

Gross, N., Simmons, S. (2009). The Religiosity of American College and University Professors, *Sociology of Religion*, 70 (2), 101–129.

Gross, N., Simmons, S. (Eds.) (2014). *Professors and Their Politics*, Baltimore: JHU Press.

Grudnikov, N.S. (2025). Vozmozhnosti primeneniya sotsiologicheskoy teorii intellektual'nykh dvizheniy k issledovaniyu institutsionalizatsii rossiyskogo dvizheniya za vosstanovitel'noye pravosudiye [Possibilities of applying the sociological theory of intellectual movements to the study of the institutionalization of the Russian restorative justice movement], *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 88, 165–178 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/88/15.

Hackett, E.J., Amsterdamska, O., Lynch, M., Wajcman, J. (Eds.) (2007). *The Handbook of Science and Technology Studies*, Cambridge: MIT Press.

Kasavin, I.T. (2014). STS: operezhayushchaya naturalizatsiya ili dogonyayushchaya modernizatsiya? [STS: anticipatory naturalization or catching-up modernization?], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 39 (1), 5–17 (in Russian).

Kelle, V.Zh., Vinkler, R.-L. (1996). Sotsiologiya nauki [Sociology of science], in *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia] (pp. 369–400), Moskva (in Russian).

Koskinen, I., Rolin, K. (2019). Scientific / Intellectual Movements Remediating Epistemic Injustice: The Case of Indigenous Studies, *Philosophy of Science*, 86 (5), 1052–1063.

Mulkay, M. (1991). *Sociology of Science: A Sociological Pilgrimage*, Bloomington: University of Indiana Press.

Ogurtsov, A.P. (2009). Naukovedeniye [Science studies], in *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science] (pp. 577–579), Moskva: Kanonplus (in Russian).

Pickersgill, M., Jasanoff, S. (2018). ST (&) S: Martyn Pickersgill Talks with Sheila Jasanoff, *Engaging Science, Technology, and Society*, no. 4, 320–334. DOI: 10.17351/ests2018.226.

Smelser, N. (1994). *Sotsiologiya* [Sociology], Moskva: Prosveshcheniye (in Russian).

Stolyarova, O.E. (2018). Tret'ya volna issledovaniy nauki kak filosofskoye obosnovaniye STS [The third wave of science studies as a philosophical foundation for STS], *Logos: Filosofsko-literaturnyy zhurnal*, 26 (5), 31–52 (in Russian).

Umpleby S. (2002). *The Design of Intellectual Movements. Proceedings of the Annual Meeting of the International Society for the Systems Sciences*, Shanghai, China. Available at: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/d/257/files/2016/11/THE-DESIGN-OF-INTELLECTUAL-MOVEMENTS-12ihgf9.pdf> (date accessed: 20.12.2025).

Yager, R.E. (1993). Science — Technology — Society as Reform, *School Science and Mathematics*, 93 (3), 145–151.